

ЖИТИЕ И СТРАДАНИЯ ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦЫ ЕВДОКИИ (ШИКОВОЙ) И ПОСЛУШНИЦ ЕЕ ДАРИИ (ТИМОЛИНОЙ), ДАРИИ (СИУШИНСКОЙ) И МАРИИ⁽¹⁾

. Родилась Дуня в пятидесятых годах XIX века в селе Пузо от родителей-крестьян Александра и Александры Шиковых. Мать умерла рано, когда Дуне было два года, и отец женился на другой; родная ее мать была очень благочестивая и отец тоже, но мачеха была другого духа. Она старалась уморить отца мышьяком, чего и добилась, когда увезла его в Сибирь; сама Дуня рассказывала, как она семи лет узнала, что мачеха хотела отравить отца, узнала и говорит отцу: "Не пей эту воду, смотри, она мутная". В этом селе жили тетя и дядя Дунины, у них Дуня училась благочестию и у них жила свои отроческие годы. Дядя был церковным старостой; им недостаточно было молитвы в храме, и они много молились дома. Дуня очень ревновала по Богу и непрестанно пела. На девятом году она и ее подруга пошли в Саров, и там их старец стукнул головками, и с тех пор прожили они рядом друг с другом три года. Звали подругу Мария. Мария жнет, а Дуня на снопах сидит и поет, в церковь всегда вместе ходили, ручка с ручкой сцепятся и идут. Дуня ходила всегда в теплой шали и в зипуне, и лицо никогда не показывала. От юности в Саров, Дивеево, Понетаевку ходили. Дуня рассказывала: пришли однажды они в Дивеево к Пелагее Ивановне, она кормила в ограде голубей. Дуня подошла к ограде. "Отойди, рваница, не пугай голубей", - говорят хожалки ⁽²⁾, а Дуня плачет и не отходит, и был у нее в руках кусочек, она его тоже бросила голубям, а Пелагея Ивановна сказала: "Что вы от меня ее гоните, ведите ее и накормите". Одни говорили о Дуне с Марией, что у них любовь от врага, а другие говорили - от Бога. Если Мария мучается, Дунюшка от нее не отцепляется, всегда они ходили сцепкой; и Марию били родители, и Дуню ее родные били, их отгоняли друг от дружки, а они возьмутся за руки, ходят и поют. В церковь они с Марией тоже ходили сцепкой. Как Мария померла, Дуня стала ежедневно в церковь ходить, и хотя еще при Марии в них начали кидать камнями, а без нее стали больше. Ей в это время было около двадцати лет. А потом Дуня только к заказным обедням ходила, потому что в праздник ей не давали проходу. Была она слабая и больная, до того слабая, что стала ходить с батогом, но печку сама топила (в это время тетя ее померла). Сядет она на стульчик, силы у нее нет, и печку топит. Потом она вовсе ослабела, и к ней стали две девушки ходить. Когда Дуне было за двадцать лет, она сильно заболела. Дело было на святках, Дуня кричала: "Умру, у меня жар". Девушки ее вынесли во двор и вылили на нее два ведра холодной воды. Потом она им говорит: "Несите меня в келью". И положили ее на лавке, и после этого она уже не вставала. Постель ее была такая: рунье да два голика, которые прислал о. Иоанн Ардатовский, на голиках постланы две суконки, которые на ногах носят, и больше ничего. В головах два зипуна худых положено, а одета она была тулупом; на ней был надет зипун, только не в рукава, а накинут на плечи, вроде накидки, а другим накрыта голова. При людях она закрывала им лицо. Когда тулуп истлел, она положила его на постель, никому не отдала; (тогда она была одета таким же зипуном, третьим); и так зиму и лето. Ничем другим она не позволяла себя одеть. Как истлевала одежда, она ее клала на постель, и так три одежды были у нее до самой смерти. Ситцевого она ничего не носила от юности, рубашка была тканая, когда истлеет, она ее на постель клала, сарафан тоже, как истлеет. Пояса носила всю жизнь одинаковые: шерстяные голубые с беленькой серединой, и если не дать такой пояс, она совсем не подпояшется. Шаль тоже у нее была шерстяная. И все на ней было шерстяное, кроме ручного платка,

тот был ситцевый. Хожалки унесут истлевшее с постели, закинут куда-нибудь, она начнет плакать, и сутки, двое плачет: "Давай мне рубаху". Волосы от юности не давала никому резать и ногтей на ногах и на руках никогда не обрезала, и вот нечаянно их у нее заденут неловко, она скажется больной, плачет, а не дает срезать. Когда ноготь спадет, она его подберет и тоже положит себе на постель. С крестом то же. Ушко сломится, крест потеряется, она начнет плакать - и молиться без креста не хочет, и новый не берет: "Найдите мне этот крест". Только его найдут, привяжут, а на другое утро она его опять потеряет, а все это во время молитвенного правила. Четки у нее всегда были одни и те же, шерстяные. Потом льняные нитки стала держать в руках во время правила. На ногах носила длинные шерстяные чулки. Отец Анатолий (3) благословил к ней жить Дарью. Теперь их стало трое (дядя жив еще был). Тут стали ходить благочестивые девушки петь, и у них образовалось правило. Пели они стихиры, кондаки и акафисты. Ни в чем Дуня не могла получить утешения, как только в продолжительном пении и чтении. Читала она хорошо, но писать не умела. Читала больше жития святых, книги брали в церкви, но были у нее и свои. У Даши был хороший голос, как, впрочем, и у Дуни, и у дяди. Но Даша была неученая, Псалтирь читала на память, а книгу держала для вида, так же на память пела и стихиры. И вот Дуня стала плакать, что ей нужно хожалку ученую, о. Анатолий благословил ей Аннушку, она очень любила петь и читать и устав церковный хорошо знала. Ей было тогда двадцать три года, и жила она у Дуни восемнадцать лет. Пришла она к ней из веселой жизни. Заставит ее Дуня пол мыть, а она скажет: "Вели мне поплясать", - и Дуня дозволит, все от нее терпела. Она читала романы украдкой от Дуни. Даша увидела и Дуне сказала. Аннушка стала плакать: "Что же мне, Дуня, делать, мне скучно, я убегу..." И хотела бежать. Был вечер, а то бы убежала. А ночью видела себя во сне в Понетаевке, в церкви, и видела преподобного Серафима, как бы кормящего медведя. Она подошла к нему, поклонилась в ноги, и он ее благословил, дал ей сухарик, и сказал: "Ах ты, бездельница! Вот я тебе дам дело, иди нянчи моих детей". И взял ее за руку и повел в келью. И там стоят две люльки, и в них лежат две маленькие девочки; и он сказал: "Нянчи их", - а сам ушел. Она стала нянчить, а они стали плакать. Она хотела бежать; подошла к двери, и она была как стена: нельзя было выйти. Анна проснулась. И рассказала Дуне свой сон. А Дуня сказала, что эти девочки - она и Даша. Она уговорила Анну остаться и велела молиться Царице Небесной. Однажды Анна пошла по воду. Была зима и мороз, и ведра худые. Из них все выбегало. Она стала плакать и браниться скверными словами: "Подавиться тебе, жадная, не почишь мне ведра". В эту ночь ей было видение. Видела она очень хороший сад. Листья такие большие, что нигде таких не видала, а цветы были белые и синие, и красные, что тоже нигде не видала. В этом саду была церковь с золотыми главами. Над ними светило солнце, внизу была трава по пояс; и слышно было благоухание. Она хотела войти в этот сад, глядит, в траве змеи, а ноги были у нее босые. А ей хотелось войти. Хотела она ноги обуть, с тем и проснулась. Однажды взяла Анна и унесла - думала, рыбу, а оказался чайник, завернутый в бумагу. Вернулась, а Дуня ей говорит: "Анна, дай мне рыбки-то". Та бух ей в ноги: "Дуня, прости!" Дуня ей говорит: "Больше не воруй". А однажды она все деньги унесла. Дуня посылает: "Воротите Анну". Та опять просит прощения, но потом опять не удержалась. Прожила она так у Дуни семь лет, а после того ее родные сманили, и она ночью убежала. Выкрала у Дуни все (сказала про себя: "Тебе за это будет спасение") и на двух возах увезла. Мать ее очень обрадовалась: "Вот, доченька, будем с тобою жить". А она стала тосковать. Прожила год, стала просить отца с матерью отпустить к Дуне. А они: "Мы тебя не пустим". Она сказала:

"Я уйду". И ночью убежала. Подошла к Дуниной келье, дверь отворена, вошла Анна в келью, упала перед Дуниной постелью и стала плакать. На нее глядя, плакали Дуня и Даша. Дуня ее простила, сказала: "Это тебя враг научил". А она в ответ: "Ты мне его посадила". Да тут же в келье упала, а Дуня заплакала только. Трое суток Анна кричала: "Предайте смерти". Потом ей Дуня дала сухарей, и она исцелилась. И вновь стала исправно петь и читать. Правило Дуни было таково. Неопустительно ежедневно пели стихиры образу Владимирской Царицы Небесной. Это было общее пение, вечером в восемь часов начинали, и продолжалась служба до двенадцати часов ночи. В это время ничего не читалось; пели, кроме стихир, тропари и кондаки святым и Царице Небесной. По вторникам справляли стихиры с акафистом Иверской Божией Матери. В этот день к Дуне приходило много народу. Утром начинали молиться с пяти часов, а иной раз по слабости - с шести утра. И молились до двенадцати часов дня. Дуня это время молилась в тишине. Никого к ней не пускали, а хожалки про себя молились. Читали в это время Псалтирь, Евангелие, каноны, акафисты и клали поклонны. (Даша молилась, как Дуня). Утреннее правило она разделяла, и было минут по двадцать отдыха; если во время отдыха приходил кто с великой скорбью, она впускала, а во время правила никого не пускала. После правила ее обращали лицом к иконам, подкладывали под нее рунье, сажали и зажигали все лампы, было их двенадцать. Тут она тихо молилась с полчаса. После этого они начинали петь и пели пятнадцать минут: пели Верую, Достойно, Отче наш, Заступницу, Яко неодолимую стену, Богородице Умиленю, Крест всей вселенной. Среди этого пения выносили из чулана просфоры и Дуне давали раздробленную просфору, а девушкам по целой. Перед тем как ее посадить, велит вымыть ей руки, а потом, как дадут ей просфору, заплачет и скажет: "Перекрести руки". Положат ей просфору, разрежут ее пополам. Одну половину опять в чулан унесут, а эту половину еще разрежут пополам, и половину она дает той, которая ей служила. Давали ей три просфоры: из Сарова, Понетаевки, Дивеева, так что у нее получалось три части. Потом ей в руки подавали просфоры, а в блюдечко наливали крещенской воды, она клала просфоры в блюдечко и ставила на стол, а когда клала, говорила: "Христос Воскресе!" -и тихо молилась. Потом, как она помолится, опять пели Спаси Господи, От юности, святителю Николаю и Царице Небесной, пели недолго. Потом она ела просфору и запивала крещенской водой и в блюдечке немного оставляла той, которая за ней ходила, а девушки становились у порога и после нее ели свои просфоры. Тут лампы гасили, ее поворачивали опять и клали. Когда ее поворачивали, она все стены и углы ограждала крестным знаменем со словами: "Огради, Господи, Силю Честнаго и Животворящего Креста". Во время правила она вместе с четками держала всегда моток ниток льняных и, пройдя четки, делала на нитках петлю, потом опять молилась по четкам, потом еще делала петлю, и так до четырех петель, потом эти петли связывала узлом, вроде креста, и затыкала за пояс; это означало, что она молитву кончила, и ее можно сажать. Если в то время, как она молилась и разрезали просфору, кто придет и стукнет чужой, дверь не открывали, а говорили, чтобы он не сходил с крыльца, стоял лицом к церкви и молился умом. Утром, когда вставала, умывалась, а вода была одна и та же по неделе и больше. Вода стояла покрытая в печке, так что была всегда теплая. Той, что ей служила, она велит сперва умыться и помолиться, и руки оградить знаменем креста и вокруг Дуни. Девушки все отойдут к двери, Даша вынет из печки чугуна, почерпнет чайной чашкой воды, затем нальет в нее святой воды, возьмет полотенце и его крестит, затем берет блюдо, из которого Дуня ела, над этим блюдом она и умывалась. На столе у Дуни стояла кружка с крещенской водой, а рядом

глиняная посуда вроде горшка. Если в кружке оставалась еще вода, то она выливали ее в горшок, а в кружку сливала воду после умывания. Воду, оставшуюся в чашке, и воду из-под умывания дня через два-три выливали в такое место, где не ходили люди. После окончания правила девушки уходили кто чай пить, кто куда, а кто воду носил, положит три поклона и по воду пойдет. Воду надо было качать колесом и непременно натошак, и было это очень тяжело, а Дуня при этом скажет: "Тверди Богородицу и иди ни с кем не говори..." Сначала ходили по ночам, а в последнее время стали ходить и днем. Когда выкачаешь воду, нужно было оградить все крестным знаменiem и ведро сполоснуть, и если кто застанет, никого не стыдиться и молча идти с водой обратно (4). Если случится, покойника несут или о покойнике ударяют, или с топором или с косой кто встретится, падаль какая-нибудь, хоть до Дуниного крыльца донесут, а только в двери не войдут, воду надо было вылить на землю и идти за другой (5). И что бы дорогой ни случилось, она не велела ничего скрывать. Принеся воды, надо было положить двенадцать поклонов Царице Небесной и спросить у Дуни благословения ставить самовар; его тоже оградить крестным знаменiem, сполоснуть, а то пить не станет, закрыть его, угли холодные положить в самовар, от свечи зажечь и, как пар пойдет, тогда можно самовар поднимать, и в это время она велела молчать тому, кто ставит. Поднимут самовар на стол, ладану в трубу положат, чайник заправят чаем и ставят на ладан, в это время ей отрезают хлеба. И вот много ей нарежут хлеба, целую стопу, ото всякого, и каждый кусок оградит знаменiem креста, и все эти куски она сложит в платок и положит на постель, а себе оставит один кусок ржаного хлеба и от него съест малую часть. За чаем сидела полтора часа, и чтобы кипел самовар, и пар шел, а выпивала чашку с небольшим за все время. Нальют чашку, скажет - "холодна", потом нальют, скажет - "горяча", и так всегда. Хожалки начнут роптать, что долго, народ ропщет, долго не пускают. И только перед самым чаем она разрешила огурец и съедала кружочка два или гриб соленный, пирог раз откусит, когда Бог посылал. Потом начинали печку топить. И та, которая печку топила, та за дровами не ходила. Картошку мыли во дворе холодной водой, какая бы погода ни была, хоть ледышки плавают, и обязательно в трех водах. Крупу мыть не велела руками, а ложечкой, и солить также из ложечки, а не руками. Вкушала она каждый день во все посты и во все дни. В скоромные дни на молоке кашу варили, а в постные дни на воде. Дров наложат в печку, а двигать нельзя, потому что во всей печи не было ни одного целого кирпича, а одни осколки на поду, и не давала переключивать печь - для подвига. Пока варят пищу, нельзя топить печь, не отворя дверь, а зимой дым шел, и трубу никогда не закрывали ни на ночь, ни на день. Говорит - дух тяжелый ей, так она сама себя в холоде держала. Маленькую печь тоже топить было нельзя, а большую не давала замазывать: "Не выношу дух глины". Во время пения она глаза закроет, и когда много было народу, то начнут потихонечку замазывать, а она начнет плакать, как малое дитя: "Зачем во время пения озоруете?" - "Зачем ты, Дуня, не даешь замазывать?" - говорили ей после девушки. А она не дает, а народу жалуется: "Они не замазывают мне печку". Хожалок никого не подпускала к печке греться, хоть умирай, не подпустит. Скажет только: "А как святые терпели? Вы здоровые не можете терпеть, как же я больная терплю?" За семь лет до смерти сажали ее к печке греться, но хожалки ее чуть не уронили, и с тех пор не стала греться. За три года до смерти одни чулки ее грели. В свободное время или во время пения не давала греть, а когда хожалки ложились спать, она одну из них поднимала и заставляла греть, та клала чулки на спину и, стоя, прислонялась спиной к печке. В это время Дуня заставляла молитву читать; две молитвы хожалка прочитает и грохнется на пол - уснет, а она закричит: "Она меня колотит!" Всех

поднимет на ноги и всем жалуется: "Мои хожалки озоруют, не погреют меня". Так одну ночь чулки заставляла греть, а другую заставляла вшей бить, даст свечку и бей. Когда вшей бьют, читают Богородицу, и только кончат, Дуня кричит: "Не всех убила, ногу вошь кусает". А во время молитвы никогда ни на что не жаловалась, только во время сна. Те куски, которые она завязывала и клала на постель, после шести недель клала себе за спину, на них спала, на сухарях, в холоде и во вшах. Когда рубашка была худая, хлеб впивался в тело. Потом из хлеба вырастали целые вороха на постели. Там он зеленел, завелись под конец мыши и черви, в этом во всем она и лежала. Она носила вериги, которые у нее были поясом и никому не разрешала касаться этого места. Рубаху Дуня не меняла, пока та не истлеет, меняла раз в год и тогда всех, кроме двух девушек, высылала. Руки мыла с мылом по локоть раз в год, затем обливала их в тазу со святой водой; ноги мыла до колен - тоже обольет, но простой водой, а тело никогда не мыла. Когда ее мыли, то послушница держала ее, Дуня голову прислонит, а сама держит свечу зажженную. Голову мыли теплым, разогретым в печке елеем, мыли раз в год, и волосы были свалены, как шапка; иногда без народа она снимала шаль и чесала руками голову, вшей нельзя было и счесть, тьма; их не били, а прямо в тряпку собирали. Через два дня после мытья она меняла рубашку и грязную вшивую опять клала на постель. Печь топили часов в семь-восемь вечера и с восьми же часов стихир пели, часа в два-три ночи она обедала. Обедала Дуня одна, чужих никого не пускала, хожалки все стояли, а сидеть не на чем было. Подавали ей в блюде, ложку хожалка поддерживала, а когда наливала, она кричит: "Мне больше наливай". И вот раза два хлебнет и скажет: "Я устала, отдохну",- и пока отдыхает, вроде как бы заснет, щи остынут, а потом она просит горячих, а их нет, и она плачет, и так щи остаются; Поля доедала их совсем холодными. А когда второе накладывали, то Дуня опять кричит: "Дай мне каши, да с пенками, клади больше". И тоже все остывало. "Остудила", - кричит, плачет, с тем и уснет. Яиц всегда велела сажать по пятку; скажет: "Давай мне три на стол, а два оставь на шестке". Потом опять говорит: "Отдохну". Как только хожалки уснут, она опять велит яйца убрать на шесток, а разбивать яйца в келье она не давала, потому что они пахли, давала хожалкам, которые с ней жили. Сама ела только два яйца в год. Об этом знали только две хожалки. Особой пищи она не употребляла и редко ела картошку с разварки. В последний год печку почти не топили. Щи варили летом у Карасевых, зимой - дома, в печи ничего не пекли, ни хлеба - ничего, и сухарей не сушили, пекли только яйца. Рыбу ела редко. Мяса от юности не ела. А приносили всего: и сдобных лепешек, и вкусного, и сладкого. Все, что приносили, она делила на две половины и давала тем, другим хожалкам половину (их было четыре) и говорила: "Вот, не гневайтесь, что я вам не даю". Они воевали, что их здоровых четыре, и им мало, и полученное тут же съедали, а другую половину Дуня в чулок клала: скажет, "завтра", да так и оставит. Хлеб она потребляла от одних людей, там женщина пекла с молитвой. Принесет в чистом, и когда принесет, пели От святых иконы Твоя. Тараканов было множество; хлеб отрежут, закроют, а они все изъедят; да заветрится; отрезала первый кусок Поле, потом Даше и третий - всегда черствый и маленький кусочек - себе, остатки, корки отдавала младшей хожалке. И назавтра ели сухари натошак. Она говорила, кто ест мягкий хлеб, тот не постник, но если постишься да дорвешься до мягкого хлеба, это плохо. Всякий кусок Дуня крестила и говорила: "Христос Воскресе!" Если молитвенного правила не кончит, то три дня пролежит без пищи. После еды читали молитвы на сон грядущим и Псалтирь. Когда все лягут, Дуня просит младшую хожалку принести две копеечные свечи, и как только все заснут, она их оградит знаменiem креста,

потом подадут ей свечу в руки, и она ее зажжет. Поля греет в это время чулки, а Дуня не спит, шарит у себя, ищет за поясом нитки или еще что-нибудь, и как догорят свечи - всех поднимает, а Полю кладет. В последний год она стала будить, как только одна сгорала свеча, а раньше больше давала покоя. Поля уснет и дверь ногами невзначай откроет, Дуня и закричит: "Караул!" - все встанут, а дверь открыта - зимой, и она всем начинает на Полю жаловаться, плакать и говорить: "Вон монашки что делают, зимой отворяют двери, нарочно меня хотят заморозить". А у нее и без того холод был такой, что в чайнике и в лохани замерзала вода. Все спали на полу измученные, не слыша ничего. Келья была дырявая, предлагали ей ставить новую, но она не захотела. Двор она решила сделать, Полю посылала. Поля говорила: "Сперва надо сделать келью". А она говорит: "Нет, двор". Послала ее отмерить место на сажень от старого двора, его она ломать не велела, а разбирать, чтобы стука от полома не было. Стали строить. А давала она строить не всем, а кто табак не курит. Так же и об ограде на могиле говорила: "Поля, дай ограду строить тем, кто не курит". Довела стройку до холодов. А эти люди, муж и жена, какие строили, были самые бедные и строили ей бесплатно. И бревна возили бесплатно. Даже хлеб с мякиной они ели в это время. Потом она их позвала к себе. "Вы здесь, - говорит, - хотите получить награду или в будущем?" Они не захотели плату взять, помолились и взяли у нее благословение. Врыли столбы и забрали стены. Она посылает Полю: "Поди посмотри, не косой ли поставили". Та сказала: "Немного косоватый будет". Дуня до того плакала, невозможно, и спрашивает: "Нельзя ли его опять разломать и исправить?" Даша пожалела этих людей и стала уговаривать. А она Даше говорит: "Ты не вникай, это дело не твое, пусть Поля сама, как хочет с ними". Поля сказала: "Никак, Дуня, нельзя, надо рядом врывать другой столб". Она и велела: "Ставьте другой столб". А он был ни к чему: только чтобы не было косо. И когда они кончили - строили они шесть недель двое - их призвала в келью и говорит: "Вот вы мне здесь выстроили, а вам в будущем Господь выстроит". Дала им по кружке воды и по куску ржаного хлеба. В том же году муж и жена оба умерли. "Еще бы кто нашелся, кто бы мне келью выстроил, - говорила. - Полому чтобы не было и стуку я не слыхала, а келью бы мне выстроили. Если я стук-то услышу, я не вынесу", - так без кельи она и осталась. Денег от юности в руки не брала. Письма кто присылал, она мало читала, которым отвечала, а которым нет. Сроду ни с кем она не целовалась и руку никому свою не давала целовать; своим хожалкам всем запрещала давать руку при здравии и не велела с мужчинами оставаться наедине. В Саров пускала один раз в год, а Даша двадцать лет никуда не выходила. Во время воскресной обедни Дуня запрещала печку топить и к святыне приступала строго, а последнее время не давала уж и полы мыть, потому что полы она считала большой грязью, и белье не давала стирать в пятницу и среду, а только во вторник и в четверг, и при этой работе не давала со своего стола просфору, не давала дома обедать и лампаду поправлять, но в церковь пускала; после полов она велела мылом руки мыть, съесть кусок хлеба и взять книгу в руки - Псалтирь или молитвенник. Только через двое суток она разрешала прикладываться к иконам, также и после бани; ходи дома немытая, до всего допустит, а после бани - нет. Если обуются в лапти или в валенки, или еще во что-нибудь весь месяц в этой обуви ходить надо, хоть сыро, хоть жарко, разуться нельзя, а то не будет пить и есть, и плакать будет. Если тихонько разуются, она все равно узнает, ругаться не будет, а будет сильно плакать. У них до того ноги отекут, что невозможно, весь день на ногах, без отдыха и без сна; ноги сырые, а греться не пустит, а иначе закричит дуром; также весь месяц не давала сменять белье и платок, а при народе обличала: она монашка, а грязная. Кто ей служил, тем не

давала брать в руки ни ножа, ни топора, ни веника, а то ей была великая скорбь! И ничего не давала делать, кроме молитвы; не давала ходить за собой при женской немощи, брала другую. Если обе сразу, то она и не разговлялась. Мало кто ее подвиг понимал. Она плачет, жалуется на хожалок, а сама так велит. И тут же плачет и улыбнется. Поле она сказала: "Если я тебя при людях буду ругать, ты не смущайся". - "Они меня не моют и рубахи мне не дают", - и заливается при этом слезами. Чтобы подвига ее не знали, она говорила: "Ныне нет отрадного дня", - и сама не ела, и никому не давала. А тут по покойнику в колокол ударят (село-то большое) - нельзя уже есть, или еще что случится, все это были поводы, чтобы не есть. Покойника пронесут, хожалки просят, она: "Завтра поедем"; скажет: "Молитесь, чтобы завтра отрадный был день". Так и отведет день ото дня, потом и забудется, а хожалкам не дает, говорит: "Больному принесли, я сама съем". Когда покойника несут, она лежит недвижимо, и если ест в это время, то бросит, и если правило, молиться больше не станет, лежит и всем велит молчать. Поля ее спросила: "Дуня, почему ты так к покойникам относишься?" - "Глас Господень - когда в колокол бьют - объяснил, чтобы молились за рабов". И скажет: "Такой же брат, такая же сестра, мы все одной крови. Вспомни, что их встретит. Умру, и ты молись за меня". И до тех пор она лежит недвижимо, пока его не схоронят, и никого в келью в это время не пустит. Она говорила, что не только за того, что милостыню приносил, нужно молиться, но за всех, о ком узнаешь. Она очень боялась загробной жизни, как ни один старец не боялся. Поля раз говорит: "Дунюшка, хорошо, чтобы ты померла". А она заплакала и говорит: "Я лучше здесь на ножах буду лежать". Спросит: "Поля, я умру, будешь за меня молиться?" Она ответит: "Буду". - "Ну скажи тогда, как ты за меня будешь молиться?" - "Ежедневно буду за тебя молиться 150" (6). Она говорит: "А за это отрада будет?" - "Да". Она утешится и успокоится. Одна женщина удавила ребенка на первый день Пасхи и к ней пришла, а Дуня это провидела. Как она вошла в келью, Дуня сразу закрылась с головой. Женщина принесла каравай белого хлеба и два пуда пшеничной муки. Семь человек их было, и никому из них Дуня не дала брать его в руки, чужих покормила и чужим отдала этот каравай, а муку в сенях поставили; так на нее и лил дождь. А женщина ей не созналась, Дуня ее не обличила при всех, а Полю послала спросить, она сказала несчастной: "Ты не отчаивайся, ведь и разбойника Господь спас: ты кайся". Женщина заплакала и говорит: "Если узнают, что я родила, то я удавлюсь". Дуня Полю призвала: "Ступай, посылай ее в Глухово". Только та уехала, Дуня Полю послала догонять и велела сказать о. Николаю, чтобы он ей дал молитву и поисповедовал, и чтобы помолился о ней. Свекровь убийцы дала Поле кусок белого хлеба. Пришла она вечером, а Дуня плачет, говорит: "Поля, у тебя в кармане зараза лежит", - и велела вынести хлеб чужим людям, и карман чтобы чужие вымыли. Вытащили этот хлеб, помолились, сходили за водой, и только тут она стала разговляться. Загорелось у благодетелей в доме, и она Полю послала: "Сбегай, Полинька, а то Карасева сгорит". А дом-то был заперт, и никого не было. Та вошла в окошко, залила огонь, приходит, хожалки Дуне говорят: "Как ты теперь будешь из ее рук есть, когда она пожар заливала?" А Дуня послала ее по воду и ела. А бывало, если кто из них в руки головешку возьмет, она ни за что не станет есть. А то был еще случай такой. Неподалеку от Дуни в одном доме затлелось, три дня тлело, а все было заперто. Когда зашли в этот дом, то увидели, что лежит обгорелая старуха возле самовара, и как стали ее брать, у нее рука отвалилась. Вытащили ее на луг, и вдруг видит Даша - поросенок бежит, и говорит: "Дунюшка, смотри, как поросенок-то бежит". Дуня глянула, но увидела не поросенка, она взвизгнула, ее заколотило, и окна, и двери все велела запереть крепче, и никого не

пускала, и потом так плакала, прямо невозможно, и велела перекрестить все кругом, и окна и двери, и лежала, не пила, не ела целые сутки, и занавесили все окна, потому что старуху несли хоронить мимо Дуни. (Около этого дома Дуню потом били). И где лежала старуха, она этим местом не давала проносить милостыню, а если кто проносил, то она сама не брала и хожалкам не давала. А одного старика Дуня велела ради Бога посещать - он жил в нищете, весь в червях был. И когда умер и его так же несли мимо Дуни, то она велела открыть все двери и окна и сама пела и молилась. А тут, если и родственники умирали, она хожалок не пускала. Сама ничего с таких поминок не пила и не ела, и им не давала, а от других и чужих давала. Когда кого расстреляют, да из этой семьи придут, то она не пускала их до сорока дней и говорила: "Ну, они руками хватают везде". Видно боялась, как ее будут расстреливать. "Какой бы позорной смерти ни предали их, а все-таки их хоронят, а меня не станут хоронить и в колокола звонить не будут. Господи, Господи, какие люди счастливые, помрут - звонят, а меня, как скотину, в яму свалят. Но этих людей,- говорила она,- кои меня расстреливать будут, тоже расстреляют". (Что и сбылось). Верующим наказывала: "Бегите на скит за можжевельником и бросайте под ноги, как меня понесут". А они ей отвечали: "Мы не только это, Дуня, мы сколько священников призовем тогда". А она отвечала: "Все разбежитесь от меня. На могилку мою почаще ходите, вы будете плакать и рыдать на моей могилке, я буду все слышать, но отвечать не могу". Поле говорила: "Я умру, ты принимай схиму, я умру, а ты останешься, а если не примешь, то Богом будешь наказана". Поля ответила: "Я, Дуня, неученая". - "Кто у меня живет, все будут ученые. Старайся обо мне молиться, и я там тебя не забуду. Иди в монастырь". Незадолго до смерти, когда ее мыли, она говорит: "Давайте мне рубашку, кою я на смерть приготовила, уж зима, холодно, она потолще, в ней будет потеплее". А когда ей голову расчесывали, сказала: "Ты меня последний раз держишь". Еще она говорила: "Я до осени доживу, новую жизнь поведу, а вы всякий сам себе хлеб приготовляйте, я больше вам готовить не стану, тогда вам всем легко будет жить, а ты принесешь мне из Бабина". (Везде не давали молиться за нее до сорока дней, а в Бабине священник все время молился. И на дому у Дуни служил панихиды. Этого священника она исцелила: он очень сильно заболел горлом. Поля в то время была в Гавриловке и торопилась к службе. Пришла к сестре и спрашивает: "Обедня будет?" А сестра отвечает: "Батюшка сильно хворает, скоро умрет, доктора сказали". И вдруг пошел звон к утрени, и батюшка идет ни в чем невредимый. В церкви к Поле батюшка подошел и рассказал, как он от Дуни получил исцеление. Входит к нему сначала апостол Фома, потом преподобный Серафим, старец Никодим и с ними Дуня: "Я ее лик не видел, но она вошла с ними, взяла за горло и сказала: "Вставай, здрав будешь, иди служи обедню, жалко, ты у меня у живой не был". Лица всех видел, а ее не видел, слышал только голос". Святые ему сказали, что с ними Дуня). Однажды о. Софроний (он сам иконы писал) в день Ангела прислал ей икону Спасителя в терновом венце. Дуня как увидела, так и заплакала: "Архимандрит,- говорит,-

а дурак, больному в день Ангела какую икону прислал, надо утешительную, а он скорбную". И послала ее обратно. А он сказал: "Ну вот, какое-то у нее является суеверие, она бы какую икону мне ни написала, я бы за благодать принял". Потом пишет в письме: "Помолись, Дуня, за меня, если я до Пасхи доживу, обедню отслужу, то тебе хожалку

пришлю, а до Успения доживу, то Царицу Небесную пришлю". Самая первая хожалка батюшки Софрония - Александра Михайловна, о ней и писал о. Софроний Дуне, когда обещал прислать хожалку. Она тридцать лет к нему ходила и за тридцать верст ему хлеб носила, и вот начал батюшка ее гнать: "Уйди от меня, выгоните ее, она - воровка, она у нас все растащит". Она плачет: "Ваше преподобие, что вы со мной делаете", - а он знай гонит. Дуня и прислала за ней, взять ее погостить. Привезли ее совсем больную, она кричит: "Дуня, помираю от холоду и голоду", а Дуня говорит ей: "Терпи". Так она пробыла у Дуни весь пост и выздоровела. А когда пришла к о. Софронию, он велел ей готовиться к исповеди: "Я, говорит, тебе последнюю обедню отслужу". И другие хожалки стали готовиться, но он их никого не причастил, а только ее, она на Пасху

причастилась и две недели спустя умерла. Дуня, как узнала о смерти Александры Михайловны, очень плакала и сказала: "Отпало у меня правое крылышко". У Александры Михайловны в ногах были черви, и она в баню не ходила. А получила она эту болезнь так. Она пришла к о. Софронию, а он говорит: "Ты любишь меня?" Она говорит: "Люблю, батюшка". - "Ты чего хочешь- вечного или земного?" Она говорит: "Вечного". - "Хочешь страдать как я, мою скорбь получить?" Она говорит: "Хочу". И стали у нее на ногах пробиваться раны, и завелись в них черви. Ноги у нее болели пятнадцать лет. Никому она этого не говорила, только Дуне показала, потому что Дуня это провидела и сама спросила: "Сознавайся, какую скорбь ты несешь; Поля не бойся, она со мной вместе и никому при твоей жизни не скажет". Александра Михайловна раньше Дуню не знала совсем. Когда о. Софроний скрылся в леса, никому не сказал, Александра Михайловна очень плакала о нем, ходила и искала его. По лесу однажды идет, и догоняет ее старец и спрашивает: "Кого ты ищешь?" Она говорит: "Старца, который всегда утешал меня, он скрылся". Старец сказал: "Запоем петух, иди на голос, и он тебя встретит, а еще в Пузе есть больная девица, тоже посещай ее каждый месяц, как и батюшку". Услыхала она петуха и пошла, видит, стоит о. Софроний прямо против кельи. И он посылал Дуне с Александрой Михайловной все, что только ей понадобится, а Дуня - батюшке. Однажды о. Софроний прислал Дуне большой образ Царицы Небесной Иверской и всегда присылал масла. И вот у его хожалки Веры так заболели пальцы, что думали, они у нее отвалятся. И он ее послал к Дуне. "Поезжай, Верочка, к Дуне, от Царицы Небесной ты исцелишься". И Вера получила исцеление. Когда Поля в первый раз пришла к о. Софронию, он прямо сказал: "Счастливица та, которая благословила тебя в монастырь". (Благословила Дуня). И дальше

все время говорил о Дуне, какая она подвижница и светильница, от земли до неба столп, и что надо слушать ее и подражать ей. После Поля стала ходить к нему. Пришла один раз, а он: "Что она к тебе привязалась, вшивая девчонка к монастырскому человеку, какая же в ней может быть благодать, никаких у нее уставов нет, заведут они и целый день и ночь только поют, грязь у ней, холод, вши, разве только в этом спасение, в холоде и грязи, и тараканы у ней. В пятницу рыбу она потребляет, в утреню ест, в обедню спит. Вон у меня девушки поклоны кладут, акафисты читают по монастырскому уставу, а она и сама мучается, и жожалок мучает, и всех, кто к ней ходит, мучает". Три раза он говорил одно и то же, что она беспокоит монастырского человека, отрывает ее от послушания. В третий раз он начал говорить: "К тебе Дунюшкина вошь пристанет, как ты придешь в монастырь, тебя выгонят из монастыря-то, скажут: вшивая". Она отвечает: "Я нарочно бросала, да они не пристаю". Он вдруг ей показал пальцем на правую руку, вот Дунина-то вошь, она стала ее искать, а он начал смеяться, как малое дитя, и потом сказал: "Кто больных любит, великая благодать". Взял ее за голову и говорит: "Я сейчас тебя благословляю к Дуне жить, служи ей как матушке игумений, не преступай ни одной заповеди ее, свою волю не твори, а послушание все исполняй, что она тебе скажет". Милостыню всю Дуня крестила и пела "От святых иконы Твоя", и кондак, и величание. Раз принесли милостыню в Вербное воскресенье, к Пасхе творог, и внесли в сени; кошки раскрыли и поели его и все четыре сразу окозели: в нем был намешан мышьяк. А один раз окна в первый день Пасхи выбили, и Дуня лежала в стеклах и в крови и не велела убирать, пока не кончит правила. Окончила молитву, тогда дала убрать, а выбил окна муж одной женщины по злобе, что она ходит к Дуне. На Дуню и до революции гонение было и всякие досады. Однажды приехали урядники, созоровать над нею хотели, покружились около кельи, а к ней подойти не смогли и уехали. Напротив Дуниной кельи жили неприятели Дуни. Бывало, дьякон убьет собаку и бросит к ней во двор, а ей это скорбь большая. Она сутки плакала, не переставая, после этого. Вскоре его перевели из Пузы в другое место. Другие враги объявились. Камнями лукали в народ, что около кельи стоял, и все это место впоследствии выгорело, и скорбь этим людям была невыносимая. Все соблазны проходили через Дуню. Позвала она к себе Марию Кошелевскую, а она жила дурной жизнью, Дуня ее спасала от блуда. Бывало, Дуня ее очень строго держала. Той терпения нет, начнет ругать Дуню, поругает и упадет, прощения просит и кричит: "Меня Бог не простит". Она все время боролась со страстью, а не могла, чтобы ее не удовлетворить. Была она известна всем и не стеснялась, при всех говорила о своей жизни. До Дуни она детей морила. Началось ее падение с того, что ушла она от мужа к священнику, а потом пошла и по всем. Дуня ее непрестанно уговаривала и называла ее по-всякому и плохим словом, даже и при народе. Иногда Мария говорила: "Уйду, удавлюсь вон у вас на дворе", - тогда Дуня начинала ее по-всякому ублажать и уговаривать. Сама срамит Дуню, думает что-нибудь срамное: враг налетит - ничто ее удержать не может, а потом плачет и начнет говорить: "Ты через меня, Дуня, погибнешь, пусти меня лучше в мир, уйду и погибну одна". А Дуня ее так и не пустила. Милостыню в худой посуде или в худом полотне она не принимала, и ей тогда была скорбь, она говорила: "Это Господа прогневают". Она говорила, что грешный человек недостойн принять милостыню от праведного и наоборот, сама-то она принимала, но учила так. Она ела молоко от одних и тех же людей. Раз у Даши это молоко пролили, и она заменила его другим, думая, что Дуня не узнает, а Дуня, как попила, так у нее кровь из горла пошла, она и говорит ей: "Зачем ты меня искушаешь, зачем подменила мне молоко?" От некоторых Дуня ни под каким видом ничего не брала. Жожалки ее убеждали,

потому что очень просят и плачут. Тогда она им сказала: "Один послушник убеждал старца взять гречневую крупу, а старец не взял, а велел послушнику - возьми и свари из нее кашу. За трапезой старец спросил этой каши, послушник пошел, а в горшке каши нет, а он полон червей, тогда старец сказал: "Больше меня никогда не убеждай, что мне принять, а что не принять". Так и вы меня не убеждайте". Одна из хожалок (Наташа) унесла у нее мед и заболела, лишилась голоса и не только петь не могла, но и говорила с трудом. Дуня ей говорит: "Открой, Наташа, ты чего-нибудь у меня тайком съела, я не верю, что ты простыла, ты сразу съела". Наташа созналась, прощения попросила - и тут же голос явился, и стала она петь. Одна женщина, Варвара, торговала вином (а Дуня ругала тех, кто вином торгует), и вот вдруг у нее что-то случилось с ребенком. Она слышала, что в Пузе отчитывают, и говорит: "Пойду у Дунюшки спрошу, как мне с ним быть". Она сначала пошла в Котелему к Алексеюшке - это тоже старец был. Он сказал: "Наказано это дитя за родителей". Варвара обратилась к Дуне. Тут Дуня ее и обличила, что она вином торгует: "Не торгуй вином, тогда дитя здорово будет". Еще обличила, что она шьет в праздники. Это дитя звали Анной. Не давали ей есть по два дня - она и не просила, только все молилась: "Пресвятая Богородица, спаси нас!" Эта девочка никогда не садилась за стол без молитвы. Однажды она сказала: "Меня приобщите и ведите в Пузу к Дуне". Как только на Пузинскую землю перешли, Анна и говорит: "Мама, мама, вот и Дуня нас встречает". А мать говорит: "Нет". А она говорит: "Вот, вот мама". Когда вошли к Дуне в келью, она спросила мать: "Мама, что их две, Дуни-то?" А Дуня спросила: "Ты за меня, Нюра, молишься?" Она ответила: "Молюсь". Дуня дала ей просфору. А Варвара после того изменила свою жизнь и стала ходить к Дуне, и служила ей восемь лет. Дуня ей говорила: "Сейчас перетерпишь, потом будет жизнь хорошая". У нее еще был сын Михаил, он очень любил Дуню. Сел он один раз у реки и просит: "Господи, дай мне поймать рыбку руками, я бы ее тут же снес Дуне". И вдруг мелькнула большая рыба, он ее схватил, посадил в крынку и живую принес Дуне. Незадолго до смерти Дуни мать не взяла его с собой, и он все плакал, что не посмотрел последний раз на Дуню. И вот однажды убрали дом к Михайлову дню, а Миша спал на лавке. И видит, входит к нему Дуня, на груди у нее золотые кресты, и одета она как схимница, и на голове у нее корона, и говорит ему: "Ну вот, теперь увидел меня..." Глуховский Петр Павлович ходил к Дуне ночью петь стихиры, и вот, как кончили, он Дуне говорит, что боится идти, а Дуня ему отвечает: "Тебе ангелы посветят". И как только он вышел, перед ним огненный шар покатился, и за ним он дошел до самого дома. А одну девицу пузинскую, тоже после пения, Дуня убеждала остаться, а та просится; так ее и не убедила. Пошла - и под ноги ей со свистом покатались бревна; шум, грохот кругом; тогда она пришла к Дуне и плакала. Дуня говорит: "Вот, будешь послушание исполнять; горький плод, когда кто послушание не исполняет". Однажды несли ей пищу, и кувшин с молоком разорвало. Пришли, Дуне сказали, а она ответила: "Это бес, потому что вы без молитвы наливали". Шли как-то женщины из Бабина с хлебом. Их поймали, повели в Совет, отняли хлеб и начали Дуню ругать в Совете. В это время у Дуни из горла пошла кровь, и она сказала: "Где-то меня клянут". Когда Дуню убили, у этого человека, который ее ругал, сделалось что-то с ребенком. Ни в больницу, никуда его нельзя деть, бьется, что есть силы. И видит жена его сон: над Дуниной кельей висят два пузырька - один с маслом, другой со святой водой, и слышит она голос: "Иди и возьми, от этого исцелится твой сын". Спустя немного времени пошла Варвара, сестра Поли, в Совет за разрешением молоть на мельнице и увидела, как этот мальчик страдает. А мать ее и спрашивает: "Не осталось ли у вас после Дуни масла и

воды?" Она ответила: "Есть". И как помазали его, он утих, и все недуги прошли, они его повезли в Рогожну в больницу, и там, как только он принял лекарство, опять началось беснование, а как его маслом помазали, он выздоровел, и больше лекарств ему не давали. Дуня строго запрещала с женами разводиться. Еще она велела монахиням девство хранить, а если падет, то лучше до трех раз пасть, а не выходить замуж. Лучше покаяться и опять Богу служить. Еще она запрещала продавать молоко. А велела подавать, и Господь возродит на загоне вдвое. Это она говорила всем, не только своим: хоть стакан, да подай. Поучала: "Когда жнешь, Богородицу читай, а когда пояс ткешь, читай Отче наш". Она очень строго велела мирским межу ужинать: "Лучше твое пусть останется, а чужого не трогай. Тогда ты будешь целый год подавать чужую милостыню, что от других взял, а не свое". Не велела, кто торгует, обвешивать, а велела всегда поход пускать. А если торгуешь и похода не даешь, себе ужимаешь, то твою милостыню Господь не принимает, она идет за того человека. У кого нанимают жилище, то нельзя много брать, а по силам надо плату брать, а то ты будешь вор. Если дешево с обманом купишь чего, она тоже говорила: "Вор". Строго запрещала чужое утаивать у себя, от тех милостыню она не принимала. И вот тогда скажет: "Эти люди приходят меня испытывать", - и она их не пускала совсем. Хожалки говорят: "Хорошие это люди, Дуня". А она знай свое: "Не пушу". Они ее уговаривают: "Он плачет, просится, ты распутных пускаешь, а это хороший человек". Она укажет: "Это не ваше дело". Не пустит, а потом окажется, что этот человек хотел ее испытать. И странников иных не пускала, ответит им: "Я в больнице". А иным велит сказать: "Она у нас спит, ждите до двух часов дня". Они не ждут и уходят. А иных примет и пошлет к благодетелям, чтобы напоили и накормили. Однажды приехал к ней на лошади с колокольчиками брат о. Виссариона Саровского - его прислала Паша Дивеевская, а Дуня его не приняла: "Скажите, что я в больнице". На другой год он опять приехал к Паше, а Паша говорит: "Ты поди пешком и обуь лапти, тогда она тебя примет". И правда, она его приняла. Потом он ей очень поверил и много ей помогал. Однажды принесла Поля Дуне платок с просфорами, платок этот был подарен ей матушкой игуменией - большой, хороший, сорок копеек тогда стоил. Поля отдала в нем просфоры и ушла, а сестра ее Варвара осталась. Дуня испачкала весь платок в елее, да и говорит: "Отдай ей". Та Поле принесла и говорит: "Дуня не велела тебе его стирать". Поля заплакала, ей жалко стало и думает: еще прозорливая, блаженная, а эдакий платок в сорок копеек, да еще подарок матушкин так испортила. Пожалела, да и выстирала его, а с ним несколько носовых платков. И откуда только взялся вихрь, все платки унес, кроме Дуниного. На другой день пошла она к Дуне, а та и говорит: "Прозорливая, а испортила платок в сорок копеек". Не велела она никому обращаться к врачам. Идите в монастырь, примите Св. Дары и воду святую пейте. Велела мазаться маслом и сама никогда не обращалась к врачам. И еще она за послушание не велела делать операцию. Она говорила: "Разве Бог не исцелит. Бог что раньше, что теперь, одинаково". Нотное и быстрое пение она не любила. Говорила: "Что в книгах есть, все читайте и пойте, разве святые отцы писали здесь, чтобы слова-то оставлять?" Батюшка Софроний и Дуня не разрешали петь на клиросе мужчинам с девушками. Он говорил: "Сено с огнем не лежит, не принято Богом это богослужение" (пение их). Как-то Даша стала о хлебе смущаться, что много его копится и он гниет, и хотела об этом открыть о. Анатолию, который ее благословил жить к Дуне. Подобрала подруг, чтобы тихонько ночью бежать в Саров. Села и сидит, уже утро, а она идти не может, ноги отнялись. Дуня просит: "Умой меня",- она ни с места. Она ее толкает, а та не встает и ничего не говорит, а потом сказала, что у нее ноги отнялись. Дуня

говорит: "Что-нибудь плохо помыслила". Та ей созналась, и Дуня ее простила и сказала: "За это тебя наказал Господь",- и она исцелилась, как помазалась елеем от преподобного Серафима. Хлеба Дуня хожалкам не давала, раньше раздавала, а в последний год до смерти велела тайно от них наверх убирать, когда сорок, когда тридцать караваев поднимут наверх, и до трехсот караваев дошло, и он лежал все время невредимый. Даша за месяц до смерти слезла туда, увидела, напугалась и сказала, что их за это расстреляют, и с тех пор он зацвел и сделался как пыль. Такое волнение поднялось в хожалках, и Дуня все говорила на Полю: "Я не знала ведь, что у нас там хлеб, вы не смущайтесь, вы все будете в раю, ваши добродетели не пропадут, а она будет в аду". Поля сказала: "Зачем меня старцы благословили к тебе погибать". Она ответила: "Замолчи, я буду в аду и ты в аду". Сахар у Дуни был и все было, но хожалкам она с сахаром пить не давала. Иногда она от тошноты ела лимон, орехи или огурцы и грибы. Раз в месяц, не больше; разгрызть орехи сама не могла, грызла ей Даша. Однажды Даша призвала матушку-схимницу, и хожалки стали ей открывать, что они смущаются, что у Дуни неправильные подвиги. Дуня это провидела и велела Поле натаскать горшков с червями. Все вошли в избу, а схимница вышла в сени, увидела все эти горшки и начала проверять. Дуня опять позвала ее к себе, а хожалки не объяснили Дуне, зачем здесь схимница и зачем она выходила во двор. Дуня ей сказала: "Матушка, ко мне все приезжают проверять, все узелки проверяют, придет время - ничего не останется, а мне за это достанется. Это потащат не узелки, а кровь мою, где что лежит, это всё кровь моя. Умные будут плакать, а кои не в Боге, будут радоваться. Давайте меня вымойте, только другим хожалкам ничего не говорите". После правила она Полю послала за водой, мыть ее. Пошла Поля, стала качать воду, и подошли к ней солдаты с ружьями и стали к ней приставать и смеяться. Она принесла воду и сказала, что солдаты с ружьями вокруг нее стояли. Дуня заплакала, велела вылить воду и отложила мытье до другого дня. На другое утро идет Поля с водой, а ей дорогу перешла женщина с веником, она Дуне сказала об этом, и та опять велела ей вылить воду. До третьего утра оставила. Третье утро опять пошла за водой, идет мужик с косой, она опять велела вылить воду. В четвертый раз мужчина шел с топором, на пятый попала женщина со скребком, на шестой день пожар - старуха сгорела, на седьмой - покойник, на восьмой несли навстречу покойника, на девятый день она плакала, ругала Полю с Дашей, говорила, что не хотят они призреть больного человека, и наложила на них по сто поклонов Иисусу и Царице Небесной. Еще она наказала, чтобы натошак хожалки прочитали после правила акафист Знамению Царицы Небесной. Они ослушались, потому что поднялась буря, гром и молния, и расщепило дерево, и пошли они шесть человек рубить это дерево на дрова. Дуня послала Дашу: "Поди, что они не идут Заступницу петь", а они все ушли, не слушаясь ее. Тогда она двое суток их не пускала в келью, они били в двери, колотили, а она все-таки их не пускала. "Это, - говорит, - дерево не пройдет, это они не дерево спилили, а человеческую жизнь, прискорбно душе моей, горе непослушание". На десятый день за водой не пришлось идти из-за всего этого. Потом она опять их начала ругать: "Прибавьте еще молитвы, это вы не усердно просите Владычицу". На одиннадцатый день пошла Поля по воду, принесла ее в келью благополучно, затопила печку, призвала Дашу помочь ставить воду, а Даша все дрова и залила. Тогда Дуня заплакала, как малое дитя: "Какие козни враг на меня наводит, если завтра вы не попросите Владычицу, то я останусь немая",- и велела еще прибавить молитвы. На двенадцатый день принесли благополучно и вымыли ей руки и ноги. Через два дня стали ей рубаху менять, народ она весь выслала, чужих на улицу, а своих во двор; остались Поля и Даша. Дуня говорит:

"Поля, подай мне рубаху",- та стала подавать, она и говорит: "Ты ее сперва на себя надень, а то я боюсь, что она меня задушит, ворот не пролезет". Поля ответила: "Я недостойна, Дунюшка, чтобы после меня ты надевала".- "За послушание надевай". Она надела. Потом сказала: "Она свободна, можно". Дуня ее надела, а Поле подала рубаху, кою скинула. Через два дня хотели надеть на нее сарафан. Она говорит: "Вы мне не надеваете". А Даша и говорит: "Ты сама не хочешь". Она очень плакала и осталась в худом сарафане, ни за что не хотела переодеть, так и расстреляли ее в худом сарафане. В Глухове были знакомые девушки, к ним ходил Илья, и они почитали его за прозорливого; приходят они к Дуне и говорят о нем. Такой-то и такой-то, во все ночи молится, постится (ему было в то время девятнадцать лет), поставил себе часовню на Ильинском колодце и там всю ночь молится. Потом просили они Дуню:пусти его, он боголюбивый. До трех раз они приходили просить Дуню пустить к себе. Он два раза приходил, она не пускала. На третий раз пустила. Лет за пятнадцать до Дуниной смерти он пришел к ней и стал петь у нее, голос у него был хороший, пел со слезами, усердно. И это время он жил хорошо, все пел, да молился и мало спал. Затем скопил денег и уехал на Афон и там принял схиму. На Афоне год или два жил и привез оттуда святыни всякой чуть не вагон, икон много, крест о. Софронию, который теперь стоит на его могиле. Вернувшись, он задумал ехать в Москву и пропадал там три года. На деньги, вырученные от продажи святыни, завел торговлю в трактире и стал торговать фруктами. Через три года опять приехал в Пузу и стал развратно жить, женился и выдавал жену за сестру, а ребенка за приемыша, хотя он очень походил на отца. Потом он стал пристращаться к вещам. Принес две суконные накидки и целый узел денег и положил Дуне в ноги, она кричит: "Убери", - а он не берет, потому что боится, чтобы там у него не унесли. И стал он ходить по свадьбам, петь песни, плясать. Дуня за ним пошлет, чтобы вытащить, а он послов бьет. Напьется, подойдет и начнет кричать: "Колдунья",- и всяко станет называть ее. Но когда народ придет, то он ласковый, поет, молится, а что принесут, то утащит. Когда утреннее правило идет, он придет и начнет представлять что-нибудь, чтобы рассмешить девушек и Дуню отнять от молитвы, а не пустить тоже нельзя, он страшал, что донесет начальству, и Дуня всячески смирялась перед ним, а хожалки все верили, что он святой, да только блажит. Людям Дуня говорила, что его ей жаль и что он хорошей жизни, и только с Полей говорила про него как есть. Когда ее что станут спрашивать, она отвечала: "Я ничего не знаю, вон Илюша скажет". И он говорил иногда правду, а иногда врал. Но говорил он не от Бога. Но Дуня от него много скрывала: "Уберите скорее, а то Илюша идет, хватает тут руками, опоганит все". Когда его на военную службу брали, человек с топором дорогу перешел, она сказала: "Этот топор не пройдет". Взял его на службу, он приехал на побывку, просрочил, вдруг принесли икону Царицы Небесной "Достойно" из Дивеева и стали петь, пропели, и всех Дуня проводила ко кресту в другую келью, где хожалки жили. Илья и дьячиха (старуха) пели, вошел милиционер и сказал: "Вы все арестованы". Потом стал Илью спрашивать, почему просрочил, и всех переписал, и хотел всех хожалок отправить по домам. Дуня Полю посылает: "Поди, проведай, что там делается". Она пошла будто за ведром, а сама - послушать. Илью забрали в Глухово и посадили там в холодную. Милиционер пошел ужинать и Илью взял с собой; у милиционера не было к ужину соли, а его тошнило есть без соли. Илья это видит и говорит: "Отпусти меня, я десять фунтов соли тебе дам".- "А ты обещаешь завтра к восьми утра прийти?" - "Обещаю". Тот его пустил. Он прибежал к Дуне и стал плакать, говорит: "Я убегу". Дуня говорит: "Ты убежишь, а нас убьют тогда". Он выругал ее и всех поматерно. "Пушай",- говорит. Дуня замолчала. И он стал еще

сильнее ее мучить. Поля говорит: "Пускай, Дуня, он убежит; что он тебя мучает, а Дашку, жену, пусть оставит, тогда с нее спрос будет". Он убежал. Жену его посадили, а ребенка оставили. Тут она сказала, что приведет мужа, ушла к нему, и они все убежали и скрылись. Милиционер пришел на Спас, все девушки были в церкви, стучит он, спрашивает, где Илья. Они говорят: "Нет его у нас". Он позвал понятых. Дуня кричит: "Не пускайте никого". Даша в сени вышла на крыльцо, а Поля - в воротах и говорит: "Нет его у нас". Пока Даша говорила с ним, Поля молилась Покрову Пресвятой Богородицы покрыть их Своим честным омофором, потом она подходила и говорила с ним, а Даша в это время молилась. "Нет у нас его, если перелезешь, да найдешь его у нас, то расстреляй меня первую". В это время подросли мужики и стали уговаривать: "Не тревожь больного человека". Тогда он угроził послать заявление в Ардатов и вытребовать отряд искать дезертиров и накладывать налоги на богатых мужиков. Девушки стали уговаривать Дуню: "Давай пустим, а то он отряд вытребует". Она сказала: "Я его не пушу, а отряду двери отворю". Больше они ее убеждать не стали. Приехал отряд ее убить. Как пришел милиционер, Дуня сказала: "Надо теперь, Поля, хлеб размачивать и убирать". Поля стала хлеб убирать: который размачивала, который в землю зарывала, осталось только десять караваев. Пришла ее сестра, а Дуня и говорит ей: "Чему ты свою сестру научила, я на нее прельстилась, я думала, она умная и кроткая, а она вон что наделала, сколько хлеба сгноила". И послала ее смотреть хлеб. Сестра очень напугалась, когда увидела столько хлеба гнилого, а Дуня на Полю пальчиком грозит и смеется. Потом она проводила всех хожалок, остались две, да три женщины, и сестра Поли в их числе. Помолились, попели. Внесли масло и свечи, и платки головные и ручные, Дуня все перекрестила и сказала: "Несите в тот дом, туда не придут". (Платков в мешке было около трехсот). И она говорит: "Чтобы все на моей могилке в одинаковых платках стояли и пели. Сорок аршин материи десяти человекам на кофты. Это масло и свечи берегите и их не жгите, они мне будут нужны". Пришли к Дуне солдаты, вошли они и стали стучать в боковые двери, а Поля была во дворе. Дуня сказала Даше: "Беги, скажи Поле, чтобы она бежала в ворота за мужиками, как бы для заступления". Вышла Поля и побежала за народом, к верующим; они пришли, а солдаты уже вошли. Их пришло сначала двое, они вошли и начали читать бумагу, кто здесь живет из хожалок, все они были переписаны как бы для того, чтобы продукты им отпускать, а Дуня сразу сказала, что это не для продуктов, а чтобы знать, кто у нее живет. Солдат спросил: "Которая Евдокия Шикова?" Показали: "Вот больная". - "Которая Дарья Тимолина?" Даша сказала: "Я". - "Которая Мария Неизвестная?" - "Это я". - "Анна Ильина Хозинская?" Она была в бане. "Мария Кошелевская?" Она ушла провожать сестру. "Где Дарья Сиушинская?" - "Ее нет,- Даша сказала,- это чужая",- а это она и была. "А где Наталья Инютинская?" - "Она на родине". Бросился солдат в чулан, а другой остался стоять в дверях. Поля прибежала в это время с Анной, двери открыты были, и стала говорить: "Пусти меня, я здесь живу, я не знала, что запись". Он спросил ее имя, она сказала, а он говорит: "Такой нет". А Поле очень хотелось проститься с Дуней. Она просит, он не пускает. Она говорит: "Убейте меня вместе с ней, я не уйду". Вышел из кельи Кузнецов какой-то, ударил ее раз пять и двери запер. Она не отходила, смотрела в окошко. Видит, нашел он просфоры и елей, бросил их в лицо Дуне и начал ее обзывать скверными словами. Потом она у него стала просить прощения. Как помянула она "ради Христа", он и стал ругать Спасителя по-всякому, она и не стала больше прощения просить. Потом стал ее за волосы таскать и бить плетью, а хожалок в келье не трогал. Потом взял восковые свечи, скрутил их десять штук вместе, зажег и стал кидать иконы и

искать деньги. Все иконы побросал, затем в чулан полез, а там его за руку крыса схватила. Он остервенился и начал бить Дуню, стащил ее с постели и здесь нашел Илюшины деньги, а как деньги нашел, стал бить еще сильнее. Они пришли в шесть часов вечера и били ее в келье до десяти часов вечера. Потом они ушли. Она попросила: "Унесите меня из кельи". А у тех было в это время собрание в доме учителя, зятя Пузинского священника о. Василия Радугина. Кузнецов им объявил, что нашел; были солдаты и народ и поднимали руки; это называлось полевым судом. Это было в субботу в шесть часов вечера, 3 августа, а днем в двенадцать часов приходил брат Поля и говорил, что сегодня приедут солдаты, чтобы их всех убить, он слышал. Поля рассказала об этом Дуне и говорит: "Давай, Дуня, я зажгу келью, а тебя и Царицу Небесную вынесем и ты будешь здрава и цела". А она не захотела и говорит: "Эх, Поля, разве можно сжечь такую святыню, столько людей ею попользуются". В десять часов вечера ее понесли из кельи в келью хожалок, они жили через пустырь. Когда они двором ее понесли, солдаты остановили и спрашивают: "Вы ее куда понесли?" - и снова стали ее бить. Так она тут и осталась. Ее положили опять на лавку. Били ее всю ночь попеременно, били и плетьюми, и стаскивали, и топтали ее ногами, и в воскресенье с утра били, и везде стояла кругом стража, и никого к ней не пускали. В воскресенье, после обедни, стали все выкидывать из ее кельи. Солдаты кидали иконы и топтали ногами, и крестьяне стали брать их в церковь. Когда понесли Иверскую Божию Матерь, от нее было сияние. Солдаты хорошие вещи брали себе, а похуже кидали народу, и все тут торжествовали и тащили. Десять солдат залезли на крышу и искали в соломе деньги. А народ стащит вещь, да опять бежит, что есть мочи, чтобы еще захватить. А Дуня спрятала деньги раньше. Свои деньги - шестьсот рублей - она отдала Поле, и та их спрятала у Карасевых под полом, и они их там, как магнитом, нашли. А деньги, которые выручил дядя от продажи хозяйства, лежали на печи в тряпочке, и их нашли. Дуню, когда тащили вещи, все время били - и так до утра понедельника. В понедельник поутру через заднюю калитку проникли к ней некоторые верующие, солдат попался хороший и не бил ее в это время. Дуня попросила: "Меня надо приобщить, позовите священника". Батюшке о. Василию Радугину сказали, он пошел, но его не допустили. Он попросил у них пропуск, у главных, они ему дали. Он пришел к Дуне, исповедовал и приобщил ее и хожалок за два часа до смерти. Она ему говорит: "Батюшка, нельзя ли постараться?" А он говорит: "Вас убьют, Дунюшка, нельзя, решили убить". Она говорит: "Батюшка, чай бы должен суд быть". - "Они решили промеж себя". Вскоре он ушел. Солдаты нарядили подводу, мужиков Пузинских - копать могилу. Подъехал мужик на лошади, и они стали выходить. И до того у них были прекрасные лица, что невозможно было смотреть. Они вышли все с четками, церковь напротив, они на нее помолились; и стали их опять бить. Когда Дуню били, хожалки бросились защищать, кто-на ноги, кто-на тело. Затем сели на подводу, перекрестились. Дуня у Даши на коленях, сели все рядом. Как лошадь тронулась, стали креститься. А на углу дома стоял мужик неверующий, Иван Анисимов, и он увидел, что на плечах у них голубь белый, и куда ударяли, туда он садился, и били по голубю. Тут же он уверовал и говорит: "Теперь бы я последнюю корову отдал, только бы не убивали их". Трое мужиков, Петр, Иван и Макар, из тех, кто постоянно ходили к Дуне, попытались за нее вступить, но были избиты плетьюми. Дуня увидела это и говорит: "Смотри, как с них грехи сыплются. Смотри, сейчас с Макара грехи летят, как от веника листья в бане, как его за меня бьют". Петр Карасев впоследствии рассказывал, что никакой боли от ударов не чувствовал. "Я бы счастлив был, если бы меня еще раз избili за Дунюшку". (В ночь под воскресенье одна женщина

всех была камнями, кто шел к Дуне. И видит она над Дуниной кельей четыре огненных столба: два срослись, а два отдельные; это было на рассвете). Их привезли на могилу. Посадили ко крестам. Дуню и Дашу - у одного, Дашу другую так, а Марию тоже у креста, и сидели они все рядом. Потом их стали расстреливать. Сначала хотел стрелять татарин, но бросил и сказал: "Нет, не буду, у меня руки не поднимаются". Его стали принуждать, но он отказался. Другого поставили, и тот стал расстреливать. Два выстрела дали для страха, а на третий расстреляли первой Дуню; как ее убили, кверху пошла как бы чаша, кто видел, как просфора, - это видела Таня и еще много народу. А одна женщина видела, как в это время Дуня над своей кельей по воздуху пошла и это место благословила крестом и сказала: "Жалко, что здесь остается один золотой, ну пускай остается". И тогда женщина закричала: "Миленькая Дунюшка, как же мы теперь без тебя жить будем?" Машу застрелили не до смерти. Ее прикалывали штыком. Потом с Дуни сняли чулки (7), креста у Дуни не нашли, потому что он был у нее не на шее, а приколот к рубашке. Их хотели в могилу бросать, но один мужик, Василий Седнов, прыгнул в могилу и стал их принимать. Хоронили без гробов, с хожалок и юбки-то сняли. Василий покрыл им лица платочками, и стали их заваливать, а народ к могиле не подпускали. Василий говорил, что у Дуни были вериги. Расстреляли их 5/18 августа 1919 года. В этот день все верующие ощущали благоухание от могилы. Потом солдаты ушли и поручили следить, чтобы на могилу не пришел священник и не отпел бы их. После этого стали видеть на могиле горящую свечу, а над кельей Дуни в двенадцать часов дня, вскоре после расстрела, солнце играло в саженьях десяти от земли. Тут же, на ее могиле, в 1924 году Пелагея гавриловская видела видение, а перед этим блаженная Мария Ивановна говорила: "Ходите к Дуне на могилку чаще, там ангелы поют непрестанно". Эта женщина накануне памяти Дуни пришла к Поле и спрашивает, пойдут ли они служить панихиду с дьяконом на могилу. Поля сказала: "Сейчас собираемся и пойдем за дьяконом". Женщина зашла куда-то по делу и прошла прямо на могилу и видит: стоит дьякон в облачении, кадит и служит. Она думала, что все уже пришли, подошла ближе - и пропал дьякон, и нет никого на могиле; тут подошли и все с дьяконом. Еще при жизни Дуне очень хотелось, чтобы принесли к ней в келью Оранскую Царицу Небесную. Плачет, всех посылает: просите у иеромонаха Царицу Небесную; а иеромонах никак не дает. Так и не дал. И вот он видит видение, что Царица Небесная молится на воздухе над Дуниной кельей, и услышал голос: проси у нее прощения. Он прислал тут же письмо Дуне и просил прощения. Дьякон пузинский, имя ему Иона, поступивший по благословению Дуни в Оранский монастырь, смутился ее смертью и увидел видение, что к ее могиле текут тысячи людей, много архиереев и духовенства, и служат все на ее могиле. Однажды Дуня послала Полю к о. Иоанну Ардатовскому и наказала, чтобы она у него попросила белый платок с гранеными краешками. Пришла она, а в это время женщина как раз принесла ему такой платок. Он закрылся этим платком и запел Вечную память. "Как это хорошо, праведные души в рай идут. Хорошо цветок расцвел, скоро и корень расцветет", - говорит. Через три года после Дуниной смерти Поля была у о. Иоанна Ардатовского и встала ночью помолиться за Дуню, а он вдруг сказал ей: "Ложись спать". Она за послушание легла и, только закрыла глаза, видит сон. Она увидела священника Выездновского Ивана Михайловича; принесли мантию и стали Дуню на постели одевать в мантию и постригать. Она говорит: "Я рада за тебя, Дуня, что ты ангельскую одежду одеваешь на себя". Дуня встала, подошла к порожку, поцеловала ее и сказала: "Христос Воскрес". Четки у нее голубые, крест серебряный, и сказала: "Больше обо мне не плачь, я среди горнего Иерусалима у Престола

Божия стою". Поля спросила про девушек, которых расстреляли с ней, она ответила: "И им хорошо, но только они не со мной". Поля спросила про Дашу, она ответила: "Около меня тоже будет девушка",- но не велела об этом никому говорить, потому что она еще жива, а Поле сказала: "Молись, да Иисусову молитву в молчании твори". Батюшка тут же подошел к Поле и говорит: "Сказывай, как ты Дуню видела". А она такой радости, как тогда никогда еще не испытывала. Один раз во время утреннего правила Дуня обмирала часа на три. Через четыре дня она сказала, что видела сон: "Кто у меня поет, все стоят с букетами в руках, и у всех розы, у кого белые, у кого розовые и даже голубые, у кого можжевельник, и у всех ветви, кто приходил ко мне; у Анны книга с золотыми буквами (она чтница хорошая была), а Поля с Дашей стоят около меня с сухими прутьями, они не молятся". Так она их смиряла. Все девушки просили у Дуни что-нибудь после ее смерти, кто что из ее вещей, а Поля просила ее постель. "Я, - говорила, - сделаю футляр и поставлю ее туда, и будем к ней прикладываться". Илюша смеялся: "Мышиные хвостики будешь казать". Дуня заплакала: "Не тронь ее, Илюша, пусть она меня успокоит. Скажи, скажи Поля, как ты сделаешь". Потому, наверное, Дуня и дала ее сестре горсть крошек с постели да елей, свеч и платков. Как-то Поля к блаженной Марии Ивановне пришла, а она и говорит: "Моим именем Пузо три раза сгорит",- и три раза в ладоши хлопнула. "Вон, - говорит,- Дунины тряпки горят, ее кровь догорает". На третий день случился пожар, горела Бармина, которая грабила Дунино добро. (И в осень три раза горело Пузо). И еще сказала про колодец: "Будет колодец до скончания века, все источники посохнут, а этот нет, и все из него будут пить". И ругала всех пузинских: "Предатели, на что Дуню предали, за то-то они наказаны Богом будут"; и начала говорить, что Дуня выйдет мощами, понесут ее четыре епископа, будет четыре гроба, и народу будут. тысячи, и тогда все восплачут, и неверующие уверуют. А о. Софроний так говорил: "Мы с тобой об келье-то не станем хлопотать и о часовне, а о храме похлопочем, на ее месте будет храм. Ты загороди пряслом место, где была ее келья. Твоя келья будет в церковном корпусе, дверь из кельи будет в алтарь. Мы этих людей не ищем, Сама Царица Небесная этих людей пошлет. Тут будет четверо мощей, и Дуня будет мощами. Придут четыре епископа, и будет народ, и больные будут исцеляться. Народ уверует в нее, и будут звонить во все колокола, и Дуня прославится очень далеко". Потом Поля у о. Софрония стала просить благословения в монастырь: "Не благословляю я тебя коммунистам работать, надо кому-нибудь Богу работать". Тут приехали мужчина с женщиной, пузинские погорельцы, и говорят: "Батюшка, мы сгорели". А он им сказал: "Это только ваш хлам сгорел, а ваше тело не страдало, а как страдала ваша светильница от трехдневного побоя! Если бы вы за нее заступились, вы бы не сгорели. Все ее тряпки в Пузе выгорят, а место ее освятится после беззакония". (Пожар был необыкновенный, горело все подряд, даже где не было строений, вода около ее кельи кипела, и горело, что в воду было брошено). Этим мужчине с женщиной он сказал: "У вас Дуня выйдет мощами, такая у вас радость будет в Пузе, нигде такой радости не будет, вы ходите на ее могилку, кто будет болен из вас". В другой раз Поля пришла к о. Софронию, и батюшка начал ей говорить: "Ты Дуняшу видишь во сне?" Она говорит: "Только два раза видела". А он говорит: "Ты ее увидишь наяву. Ты к ней была близка?" - как будто не знает. "Близка". - "Ты видела, какие у ней ножки-то больные? Из них кровь текла, а она ходила и за то Бога благодарила". Поля говорит: "Нет, она не ходила". И с тех пор у нее ноги отнялись, и за ней ходили монахини из Дивеева и Понетаевки. Потом ее исцелила Дуня. Сказала: "Вставай, тебя Царица Небесная исцеляет",- и взяла за ноги. Утром в этот день она еще пила с ложечки, а вечером стала

чистить самовар и вымыла полы. А лежала она с зимнего Никола и по ее день Ангела. "Иди, - говорит, - в Пузу, справляй день моего Ангела" (1 марта). Дуня говорила: есть пост не в пост, и молитва не в молитву, и послушание не в послушание; если постишься, то и мягкий ржаной хлеб не ешь, и досыта не вкушай. Если ты день не ешь, а на другой день приготовишь себе хорошую пищу, такой пост Бог не примет. Если ты молишься для людей, чтобы тебя люди видели, а на душе у тебя этого нет, это не молитва. А послушание, если ты исполняешь его так, что тебе легко и подходит, это не послушание, а то послушание принято у Господа, которым Бог благословит. Она говорила: человек спасения ищет, а спасение - человека. Друг к другу идут и друг друга не найдут. Она говорила: кто больного жалеет, тот крест должен нести. Если нет скорби при подвиге, и если тебя только все ублажают и чтут, не дохожден подвиг твой ко Господу, если же подвиг ради Бога, то будет скорбь непременно, если враг побежден, он будет действовать через человека. Очень велела охраняться тайноядения. Она так говорила: от него корень злобы вырастает, человек все равно что змею глотает, за непослушание Господь попускает болезни. Поля однажды на яблоко соблазнилась и его припасла; думает, воды принесу, самовар поставлю и поем, а Дуня уже велит его обратно положить. Поля плакала, просила дать, а она не дала. Прибавь, говорит, поста и молитвы. Господь будет всего посылать в изобилии, и не съест тебе. Чем больше поста и молитвы, тем больше Господь будет всего посылать. Когда ей Царицу Небесную принесли, тогда из разных губерний потек к ней народ. Девушки начали плакать: "Бог нам посылает столько милостыни, куда нам ее деть, нам все равно не даешь". А Дуня сказала: "Злитесь, на вашу злость Господь еще больше пошлет, если бы не на пользу, разве бы Царица Небесная послала мне всего столько?" В сенях было как склад: хлеб белый, рыба в коробках, мед, варенье - и все это раскрыто, и никто до этого не дотрагивался. А деньги по полу валялись, и по ним ходили. Дядя Дунин по старости последнее время совсем не слезал с печи; попросит он пить, а они говорят: еще рано, а уже вечер; подадут ему хлебца - и ладно. Ему было видение, как солдаты потащат все в разные стороны. Дуня поучала девство хранить. Это говорила она монастырским людям. Она тело свое не велела показывать и в баню не благословляла со всеми ходить, а холодной водой мыться. В пище советовала воздерживаться, руку не позволяла давать, кроме как под благословение подходить. На мужчин возбраняла смотреть, а смотреть вниз. По кельям она тоже не разрешала ходить. Монах выйдет из кельи - в келью войдет не такой. Чтить начальников надо монастырским людям. К службе наказывала ходить непустительно, в нечистоте не позволяла ходить до шести дней. Плакала, кто стрижет волосы из монашествующих. За трапезой не разрешала говорить ни слова, и все везде и всегда ограждать крестным знаменiem поучала она монастырских людей. И одеваться, и обуваться, и спать ложиться - ограждать и окна, и двери - это и мирским - и скотину ограждать вечером и утром. Не разрешала часто посещать женские монастыри монахам и наоборот. Строго запрещала переходить из обители в обитель. Какой Бог крест послал - терпи. Приходили к ней со слезами; от нее никто не уходил неутешенным. Дуня и материально монастырских поддерживала. Она особенно любила монастырских людей и духовенство. Я, говорит, их считаю как ангелов.

Примечания:

1. Материалом для жизнеописания послужила стенограмма рассказов послушницы Дуни - Поли, записанных в первой половине двадцатых годов, то есть спустя несколько лет после

кончины преподобномученицы. Запись была сделана Валентиной Долгановой, келейницей епископа Варнавы (Беляева) и по его благословению. У Евдокии было пять послушниц. Три из них пострадали вместе с ней, Наташу за несколько дней до своей смерти она отослала домой; так сохранился до середины шестидесятых годов свидетель великой духовной высоты мученицы. Сама Наташа сожалела только об одном: что не сподобил ее Господь разделить мученическую кончину со своей старицей. Пятая келейница, Пелагея, хотя и была во время ареста с Евдокией и видела все ее мучения и кончину. Богом была оставлена свидетельствовать о жизни и страданиях старицы. Свидетельница подвигов Евдокии Поля и сама была большой подвижницей. О ней сохранилась такая запись Валентины Долгановой. До того, как старица взяла ее к себе, Поля каждый день по окончании работы по монастырскому послушанию после шести вечера убегала за шестнадцать верст в село Пузо и молилась там вместе с Дуней всю ночь, а на рассвете спешила на монастырское послушание. Послушание она несла на водокачке. Так она прожила три года. Во время молитвы много клала земных поклонов, говоря: "Поклоны класть-это землю распахивать". Евдокия много учила ее смирению и терпению разных обстоятельств. Однажды послала матушка игумения Полю в деревню купить лука для посадки. Поля зашла к Дуне, и та оставила ее у себя и продержала две недели, пока пора посадки лука прошла. После этого всем послушницам в монастыре дано было право Полю бранить и смирять, а она всем кланялась в ноги, молчала и терпела. В другой раз игумения послала ее с двумя старшими монахинями в Понетаевский монастырь отнести срочное письмо, при этом письмо велела нести Поле. Зашли опять к Дуне. Та ее не пускает, а монахини без нее не идут, потому что письмо у Поли и Дуня не разрешает его передать. Много и в этом случае пришлось потерпеть Поле. Много терпела Поля, пока Дуня не забрала ее из монастыря к себе. Но и здесь, как увидит читатель, жизнь ее не была легкой.

2. Так называла Поля келейниц.

3. Отец Анатолий (в схиме Василий) был подвижником высокой жизни. Он жил в начале XX века в Сарове на одном из монашеских хуторов, редко кому показывался и отвечал на вопросы приходивших к нему через своего келейника монаха о. Исаакия. Одно время, когда он жил в пустыни, его осаждал народ и мешал безмолвию. И он поехал за советом в Дивеево к блаженной Прасковье Ивановне, но она от него заперлась в келье. Помолился он с келейницей ее матушкой Серафимой у распятия и ушел. Побыл в монастыре, а когда возвращался, Прасковья Ивановна вышла на крыльцо и машет ему рукой: "Дедушка, дедушка!" Тот только рукой махнул: "Я все понял". И ушел в затвор. Скончался он в 1919 году. Когда беспризорники вскрыли его останки после 1927 года, они оказались

нетленными. Они сунули ему в рот папиросу, перевернули вниз лицом и опять зарыли.

4. Блаженные о Христе и юродивые как нелицеприятный эталон сразу же дают понять, каково нравственное и религиозное состояние окружающего мира. Живя вблизи двух монастырей, Саровского и Дивеевского, на земле облагодатствованной молитвами преподобного Серафима Саровского, а и там уже было за подвиг перекреститься или выказать иные знаки своего отношения к Богу, своей веры, люди начинали стыдиться, что они христиане. Расплата последовала скорая и жестокая. И заключалась она в том, что люди, отказавшись от Бога, оказались во власти торжествующего над ними зла.

5. Пройти многократно с ведрами - и вылить, поставить условие, чтобы дом строили без шума (об этом дальше) - и оставаться без дома. За многими ее требованиями

предчувствуется иное ощущение и созерцание мира, видится, что она духовными очами презирает то, что для нас невидимо и потому безразлично. Ее утонченная душа различала разлитый в мире Дух Божий, веления Которого она слышала до мелочей. Кроме того, множество ограничений - это условие для подвига. В древних монастырях люди подвизались сверхъестественно для современного человека, потому что сами были проще и спасение души для них было целью возжеленной, тогда как современный человек с трудом представляет себе, что такое "спасение души", и часто и самого понятия не приемлет. И это не только рациональный современный человек, выросший в безблагодатной атмосфере безбожия, но даже выросший в простоте религиозного быта предреволюционной России. Преподобный Павел Препростый мог трое суток простоять перед кельей Антония Великого ради того, чтобы пойти к нему в послушание и спастись. Для современного человека, погруженного в бездну эгоистических переживаний, это весьма затруднительно. Можно сказать, что нашлись бы единицы среди современных людей, готовых проводить жизнь, как некоторые из Дуниных послушниц, которые несли этот подвиг двадцать лет (например, Дарья). А Дуня сама спасалась и вымолила венцы для своих послушниц. Ходить целый день на колодец, приносить воду, выливать ее и снова идти, и все это за послушание - трудно. Для облегчения она придумывала разные поводы, которые несколько разнообразили и скрашивали его. Или как согласиться на многодневный недобровольный пост - сверх общецерковного. А Дуня находила множество поводов, мешавших разрешению от поста или, как она говорила, наступлению отрадного дня. Во всяком случае, чтобы такой день наступил, надо было много молиться. В каком монастыре, разве только во времена преподобного Иоанна Лествичника, было целонощное бдение - Дуня поднимала ночью, рассказывала Поля, когда сгорали две копеечные свечи, под конец жизни она стала будить, как только сгорала одна свеча. Эта подвижническая жизнь более соответствует древности. Преподобный Антоний Великий на Павла Препростого налагал труды непосильные, подолгу заставляя стоять на зное, молиться и ждать, когда Антоний принесет ему работу. Получив финиковые ветки, преподобный Павел плел из них веревку, с трудом оканчивая свое послушание к вечеру. Но когда Павел подавал своему наставнику сделанную работу, тот заставлял его переплетать заново. Точно так же приходилось преподобному Павлу шить, распарывать и перешивать одежду, в течение нескольких дней оставаясь без пищи; и каждую ночь, едва уснув, вставать и с полуночи петь псалмы до наступления дня.

6. По-видимому, имеется в виду прочтение 150 раз молитвы "Богородице Дево, радуйся..."

7. Дочь этой женщины впоследствии заболела, не могла надеть никакой одежды; ее покрывали куском толя и так она лежала.

Источники:

Святые мученицы Пузовские Евдокия, Дария, Дария, Мария.

/Под ред. иеромонаха Митрофана (Баданина). - Мурманск, 2002.

Иеромонах Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Книга 1. - Тверь, "Булат", 1992 год - 238 страниц. Тираж 100 000 экз.

[http://www.fond.ru/book/book1.htm#\(18.08\)](http://www.fond.ru/book/book1.htm#(18.08))